

К.Л. Ковалёва

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ПРОЕКТЕ «Б. АКУНИН»

Мне бы очень хотелось вернуть взрослым читателям утраченную или, во всяком случае, подзабытую радость из времен детства: читаешь книжку – и дух захватывает.

Б. Акунин (из интервью журн. «Еще»)

Современный литературный процесс рубежа XX – XXI в.в. представляет собой сложное и противоречивое явление, характеризующееся разрушением привычных эстетических и этических устоев. Одним из наиболее заметных направлений данного процесса является постмодернизм, который охватывает различные стороны современной культурной жизни. Постмодернистская культура не претендует на создание абсолютно нового, а обращается к литературному наследию разных эпох. Для нее характерен стилистический плюрализм, использование готовых форм, ирония, цитатность, хаотичность. В результате этого *«постмодернизм получил характеристику культуры second hand»* [9]. По мнению У. Эко *«постмодернизм - это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить: иронично, без наивности»* [14, с. 462].

Именно эта особенность постмодернизма привела к необходимости исследовать и обозначить те связи, которые устанавливаются между литературными текстами разных эпох или разных авторов. Так, в середине XX в. возникло понятие интертекстуальности как взаимодействия всех знаковых систем, хотя подобные связи исследовались и ранее, в частности американские исследователи интертекстуальности Дж. Стил и М. Уортон считают, что феномен, получивший в 60-е гг. XX века название «интертекстуальность», существует со времен начала письменной цивилизации человечества, и излагают историю данной теории, начиная с диалогов Платона. С появлением первых исследований различных текстов – о заимствованиях, образных и сюжетно-тематических переключках, намеках, полемической интерпретации мотива – можно говорить о возникновении теории интертекстуальности [15, с. 2].

На рубеже XX – XXI в.в. интертекстуальность стала неотъемлемым структурообразующим элементом и одним из ключевых художественных приемов литературы. Произведение любого автора не является изолированным творением, а находится в окружении других текстов, взаимодействуя с ними, включая в себя их элементы и становясь источником материала для создания следующих.

Такая особенность литературы постмодернизма влечет за собой многослойность семантики произведения, которое состоит как бы из нескольких, как минимум из двух, пластов: верхний лубочный (для массового

читателя) и более глубокий (для высокоинтеллектуального). В связи с этим на страницах научных изданий и в периодической печати возникла полемика о разграничении «массовой» и «элитарной» литературы. До настоящего времени нет единого мнения по этому вопросу, отсутствует терминологическое единство. Литературоведами, критиками, журналистами были предприняты попытки выделить характерные особенности «массовой» и «высокой» литературы. Но некоторые критерии слишком размыты, другие носят частный характер.

Ряд исследователей выделяет промежуточный литературный пласт, объединяющий черты «массовой» и «элитарной» литературы. Так, критик С. Чупринин вводит термин «миддл-литература» (англ. middle – середина), сравнивая этот вид литературы со средним классом в обществе, занимающим пространство между элитой и низшими слоями. К миддл-литературе критик относит как «облегченные» варианты высокой литературы, усвоение которых не требует от читателей особых духовных и интеллектуальных усилий, так и те формы массовой литературы, которые отличаются высоким исполнительским качеством и направлены на формирование хорошего вкуса [13]. По определению С. Чупринина, этот феномен, с одной стороны, ориентирован на коммерческий успех, а с другой – не лишен определенного стилизованного изящества, сложности [там же].

В противовес доводам С. Чупринина, А. Латынина утверждает, что новый термин «миддл-литература» просто дублирует понятие «беллетристика». Вслед за С. Чуприниным, мы считаем, что термин «беллетристика», прошедший путь от значения «изящная словесность», до противоположного значения «чтиво, не требующее вдумчивого прочтения», приобрел столько коннотаций, что не может использоваться в качестве термина, называющего определенное явление литературного процесса. Кроме того, на данном историческом этапе термин «беллетристика» несет в себе отрицательную оценочную характеристику (употребляется в пренебрежительном ключе), что также, на наш взгляд, делает невозможным его использование.

Как отметил А. Рейтблат, и в «элитарной», и в «средней», и в «массовой» литературе обсуждаются и по-своему решаются актуальные и важные для читателей проблемы, и считать одну из этих литератур развлекательной, а другую серьезной – нет оснований [11, с. 405].

Ярким представителем миддл-литературы и одной из самых любопытных фигур детективного жанра, на наш взгляд, является Г.Ш. Чхартишвили – один из самых издаваемых российских авторов, учёный-японист, литературовед, переводчик, общественный деятель.

Целью нашей статьи является обоснование наличия промежуточного между «массовой» и «элитарной» литературой пласта и определение места прозы Б. Акунина в современном литературном процессе.

Г. Чхартишвили – Б. Акунин вошел в литературу не так давно, но успел создать свой особый, узнаваемый стиль. Его литературные проекты

демонстрируют, что художественное произведение может совмещать занимательность сюжета и глубину содержания, стилизацию и актуальность идеи, соблюдение правил игры постмодернизма и индивидуальные авторские приемы. С 1998 г. он пишет художественную прозу под псевдонимом «Б. Акунин». Расшифровка «Б» как «Борис» появилась через несколько лет, в связи с многочисленными вопросами по поводу выбранного псевдонима. Фамилия Акунин, несмотря на славянское звучание, имеет японские корни. Два иероглифа — «аку» и «нин», переводятся как «злой человек», «злой дух», «разбойник», «человек, не соблюдающий законов» (по словам одного из литературных героев романа «Алмазная колесница» (2003)).

Г. Чхартишвили в интервью «Независимой газете» говорит о том, что *«Б. Акунин – это не писатель, а проект»*, который *«представляет собой попытку реконструкции идеи массовой литературы и в этом смысле, наверное, соответствует духу и потребности новой эпохи»* [12]. Таким образом, Б. Акунин сразу охарактеризовал свои романы как продукт профессиональных технологий, а не творческого вдохновения.

«Проект» (от лат. *projectus* – брошенный вперед) – слово, вошедшее в активную лексику на рубеже 80 – 90 г.г. XX в. Литературный проект – это не просто одна книга одного автора, это целая индустрия шоу-бизнеса, высокотехнологичное выстраиваемое и просчитываемое дело. Но это никак не умаляет достоинств акунинских проектов. Б. Акунин – тонкий стилист (его произведения пронизаны духом классической литературы рубежа XIX – XX вв.) и блестящий стилизатор (письмо стилизовано под «старину»). Язык произведений – яркий, образный, насыщенный фразеологизмами. На страницах его романов обязательно встретишь хорошо узнаваемых литературных персонажей, но уже отретушированных. Описание исторической панорамы Москвы и Петербурга, русской провинции дает возможность полностью погрузиться в описываемую историческую эпоху. Сюжетные, образные и стилистические ассоциации, заимствованные из классической литературы, обогащают стиль самого Б. Акунина.

Автор проекта «Б. Акунин» включает в него такие циклы, как «Новый детективъ» – «Приключения Эраста Фандорина», «Провинциальный детектив» – «Приключения сестры Пелагии», «Приключения магистра» (в цикле действуют потомки и предки Эраста Фандорина), «Жанры», «Смерть на брудершафт», а также отдельные книги: «Сказки для Идиотов» (2000), «Чайка» (2000), «Комедия/Трагедия» (2002), «Инь и Ян» (2006), интернет-проект «Фото как хокку» (2011), «Любовь к истории» (2011).

Проект «Авторы» – серия, в которой Г. Чхартишвили под двумя псевдонимами (Анна Борисова, Анатолий Брусникин) представил свои произведения в новом для себя стиле.

Критические и документальные работы Г. Чхартишвили публикует под своим настоящим именем – это научный труд «Писатель и самоубийство» (1999), посвященный проблеме суицида, совместное творчество Б. Акунина и

Г. Чхартишвили — «Кладбищенские истории» (2004), роман «Аристонмия» (2012), а также многочисленные переводы японской, английской и американской литературы.

Автор литературных проектов, отвечая на вопрос журналиста газеты «АиФ» Г. Александрова, кем он себя считает, говорит: *«Я беллетрист. Разница состоит в том, что писатель пишет для себя, а беллетрист — для читателя. Никогда не буду писать в стол, упаси меня Боже»* [4]. Важно отметить, что Б. Акунин не претендует на статус элитарного писателя.

Творчество Г. Чхартишвили – Б. Акунина вызывает интерес, как широкой читательской аудитории, так и критиков и исследователей. С момента выхода первой книги он находится в центре постоянного внимания и является предметом дискуссий. Одни считают его талантливым литератором, постмодернистом в детективном жанре, создателем новой литературной традиции, новым для русской литературы типом американского писателя, называют его романы самым удачным литературным проектом последних лет, дают философскую интерпретацию его произведениям. Так, критик Л. Данилкин называет его романы многослойным постмодернистским повествованием [7]. П. Басинский в статье «Штиль в стакане воды» пишет о том, что Б. Акунин *«предложил серьезный литературный труд, ориентированный на массовый успех»*, и что его проза *«никоим образом не вписывается в очень старую ... традицию литературного ширпотреба»* [6]. А. Ранчин детально исследует поэтику «фандоринского» цикла, выявляет как соотносимость его произведений с «высокой» литературой, так и их место в детективно-авантюрной традиции: *«Это массовое искусство для читателя достопочтенной словесности. <...> Любитель авантюрного чтения вполне удовлетворится приключениями, филологически озабоченный читатель ... попробует расплести паутину интертекста»* [10]. Трудно не согласиться с мнением Л. Аннинского, который полагает, что творчество Б. Акунина – это путь к классике.

Других взглядов придерживаются, например, Р. Арбитман и А. Немзер, полагая, что детективы Б. Акунина – одноразовое, скучное чтение, одно из многих явлений массовой культуры, не преодолевшее пороговые границы массовой литературы. Писателя обвиняют в либерализме, отступлении от законов детективного жанра, осмеянии российской истории, симпатии к террористам-революционерам, создании «плоских» героев и т.д. По выражению автора статьи Е. Дьяковой, «Борис Акунин как успешная отрасль промышленности», просто *«сочинитель-проектировщик»* [8]. Б. Акунин не отрицает этого: *«то, чем я занимаюсь, — не творчество, а ремесло. <...> Беллетристика — это вещь архитектурная. Она требует знаний, чувства меры, дисциплины»* [12]. Но это не мешает ему создавать качественную литературу.

Б. Акунина неоднократно обвиняли в искажении истории. Так, Г. Ульянова в статье «Пародия на правду: как обфандоривают Россию»

утверждает, что Б. Акунин вольно обращается с событиями русской истории. Изменить историческое прошлое нельзя, но, как автор художественного произведения, на наш взгляд, он имеет право на свою интерпретацию.

Важнейшим стилеобразующим фактором у Б. Акунина является интертекстуальность, в связи с этим мы рассмотрим его творчество в свете данной теории. Интертекстуальность – *«понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего»* [9].

В произведениях автора прослеживаются широкие интертекстуальные связи с творчеством русских и зарубежных классиков. Именно благодаря насыщенности цитат из классиков, многочисленных реминисценций, аллюзий в акунинских текстах мы можем говорить о феномене «двойственности» его беллетристики, рассчитанной как на читателя-интеллектуала, который увлечен разгадыванием литературных ребусов, так и на массового читателя, которого интересует увлекательный сюжет и не более.

Б. Акунин провоцирует «литературно озабоченного» читателя на поиск «чужих следов», литературных переключек. Аллюзии в форме имен собственных, – имена героев произведений, – наиболее узнаваемы. Например, первый роман цикла «Приключения Эраста Фандорина» – «Азазель». Редкое имя Фандорина, Эраст, и имя его невесты, Лизы, не просто соответствуют именам персонажей «Бедной Лизы» Н. Карамзина. Героиня сама обращает внимание Фандорина, а заодно и читателя, на это совпадение: *«— Я после того вашего прихода представляла себе всякое... И так у меня красиво получалось. Только жалостливо очень и непременно с трагическим концом. Это из-за «Бедной Лизы». Лиза и Эраст, помните? Мне всегда ужасно это имя нравилось — Эраст»* [1]. И эта аллюзийность имен предопределяет и трагичность их взаимоотношений.

В романе «Весь мир – театр» Фандорин вновь встречает девушку по имени Лиза, в которую влюбляется. Теперь уже он обращает внимание своей возлюбленной на совпадение имен:

«— Я хочу сказать, что меня поразила ваша игра во вчерашнем спектакле, – сдержаннее сказал он, всё пытаясь поймать ее уклоняющийся взгляд, задержать его. – Никогда не испытывал ничего подобного. Ну и, конечно, потрясло совпадение имен. Меня ведь тоже з-зывают Эрастом. Петровичем...»

– А да, в самом деле. Эраст и Лиза, – снова улыбнулась она, но рассеянно, безо всякого тепла» [2].

В декадентском детективе «Любовница смерти» Фандорин, вступая в клуб самоубийц, выбирает себе имя принца Гэндзи – героя японского романа «Гэндзи-моноготари», написанного в XI в. писательницей Мурасаки Сикибу [10]. Маша Миронова – героиня этого же произведения – аллюзия на героиню А.С. Пушкина из «Капитанской дочки». Сюжет «Любовницы смерти» напоминает сюжет «Клуба самоубийц» Р. Стивенсона: Фандорин *«...и в самом*

деле был удивительно похож на принца, ну если не японского, то европейского, как у Стивенсона» [3].

Название террористической организации «Азазель» в одноименном романе отсылает к персонажу М. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» – Азazelло, а также к мифологии. Азазель или Азazelло – негативный персонаж древней семитской и иудейской мифологии, демоническое существо. Акунин мог позаимствовать имя, как у Булгакова, так и собственно из мифологии.

Источником аллюзии в «Алмазной колеснице», где один из персонажей – японский разведчик, скрывающийся под именем Рыбникова, является рассказ А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников».

В «Азазеле» мы наблюдаем и другие точечные аллюзии на «Мастера и Маргариту» М. Булгакова. Например, в ночном визите Амалии к Эрасту мы угадываем визит зеленоглазой Геллы к финдиректору Римскому. Но Б. Акунин берет у М. Булгакова только фабулу, осознанно наполняя ее противоположными, контрастными описаниями, подчеркивая тем самым отличие одного визита от другого. У М. Булгакова Гелла *«голая девица»*, у Б. Акунина Амалия *«была в белом кружевном пеньюаре»*, рука Геллы *«покрылась трупной зеленью»*, рука Амалии *«белая, всыхивающая искорками»*, Римский видел *«пятна тления на ее груди»*, у Амалии *«на груди расплылось кровавое пятно»*. Амалия вошла в дверь, как человек (*«на пороге стояла Амалия»*), Гелла попала в комнату через окно, как нечистая сила (*«всунула рыжую голову в форточку»*). Мы назвали этот прием «контрастной аллюзией» — такой тип аллюзии, при котором в тексте присутствует отсылка к «предметной ситуации других текстов», но внутри этой ситуации создаются противоположные или контрастные описания.

В заглавиях произведений также присутствует аллюзивный аспект. Например, заголовок «Скарпея Баскаковых» Б. Акунина – это намек на «Собаку Баскервилей» К. Дойля.

Как видим, широко применяемые интертекстовые включения позволяют автору создать яркий, ассоциативный образ через соотнесение факта или персонажа с другими фактами и персонажами, наполнить этот образ многочисленными коннотациями, что предоставляет возможность говорить о многоуровневости произведений Б. Акунина.

Таким образом, современное литературное пространство рубежа XX – XXI в.в., знаменующее собой век полифонической культуры, не всегда предоставляет возможность разграничения произведений по полюсам «массовая продукция» – «элитарное творчество». Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные споры вокруг произведений Б. Акунина при попытке их оценки в рамках оппозиции «высокая» / «массовая» словесность.

По нашему мнению, среди авторов современной литературы, способных удовлетворить вкусы самого разного читателя, Б. Акунин по праву считается мастером создания текстов. Он осуществил прорыв, создав первый отечественный образец культурной занимательной беллетристики, и разрушил

плотину между литературой элитарной, малотиражной и литературой массовой. Показал, что «чтиво» может быть интеллектуальным, полным аллюзий и цитат, требующим от читателя знания так называемого культурного фона. Произведения А. Акунина принадлежат и «серьезному», и «массовому» искусству, так как направлены на достижение популярности и, одновременно, на интеллектуальную игру со знатоками словесности.

Проект «Б. Акунин» во многом можно считать инновационным, синтезирующим свойства «высокой» и «массовой» литературы, чем и обусловлена его ценность не только для читателей, но и для исследователей языка писателя.

Литература

1. Акунин Б. Азазель [Электронный ресурс] / Б. Акунин – Режим доступа: http://www.ya-kniga.ru/books/detectivs/9_boris_akunin/azazel_20120711135508/
2. Акунин Б. Весь мир – театр: роман [Электронный ресурс] / Борис Акунин – М.: «Захаров», 2010. — 432 с. – Режим доступа: http://www.loveread.ec/view_global.php?id=350
3. Акунин Б. Любовьница смерти [Электронный ресурс] / Борис Акунин – М.: «Захаров», 2008. – 256 с. – Режим доступа: http://www.loveread.ec/view_global.php?id=322
4. Акунин Б. Я не писатель, я беллетрист [Электронный ресурс] / Энциклопедия замечательных людей. Режим доступа: <http://www.abcpeople.com/data/akunin/bio1.htm>.
5. Акунин Б. Интервью [Электронный ресурс] / Борис Акунин // Независимая газета – 2000. – Вып. №49 (172). – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/newyear/2000-12-28/8_akunin.html
6. Басинский П. Штиль в стакане воды. Борис Акунин: pro et contra / Павел Басинский // Литературная газета. – 2001. – 23-29 мая (№ 21 (5834)).
7. Данилкин Л. Убит по собственному желанию / Лев Данилкин // Акунин Б. Особые поручения. – М.: Захаров, 2000. – С. 317-318.
8. Дьякова Е. Борис Акунин как успешная отрасль промышленности [Электронный ресурс] / Е. Дьякова // Новая газета – 2001. – № 45. Режим доступа: <http://novayagazeta/ru/>
9. Постмодернизм. Энциклопедия [Электронный ресурс] / [сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко]. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Постмодернизм>
10. Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предуведомлением, лирическим отступлением и эпилогом [Электронный ресурс] / Андрей Ранчин. – «НЛО» – 2004. – №67. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67>
11. Рейтблат А. Русский извод массовой литературы: непрочитанная страница / Абрам Рейтблат // «НЛО» – 2006. – №77. – С. 405-411.

12. Стародубец А. Интервью. Беллетристика требует знаний, чувства меры, дисциплины [Электронный ресурс] / Анатолий Стародубец // «Эхо планеты». – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c49/422423.html>
13. Чупринин С. Звоном щита / Сергей Чупринин // Знамя. – 2004. – №11. – Режим доступа к журн.: <http://magazines.russ.ru/znamia/red/chupr/book/midllit121.html>.
14. Эко У. Имя розы. Заметки на полях «Имени розы» / Умберто Эко. – М.: Знание, 1989. – 687 с.
15. Worton M., Still J. Intertextuality: Theories and Practices / M. Worton, J. Still. – Manchester, New York: Manchester UP, – 1990. – p. 2.

Анотація

Ковальова К.Л. Интертекстуальність як стильотвірний елемент у постмодерністському проекті «Б. Акунін»

У статті розглянуто місце міддл-літератури в межах постмодерністського напрямку. Яскравим представником цього напрямку є Б. Акунін. Аналізується основний стильотвірний елемент його творів – інтертекстуальність, описуються її різновиди та варіанти реалізації в проекті, велика увага приділяється алюзії як одному з варіантів репрезентації інтертекстуальності.

Ключові слова: міддл-література, постмодерністський напрям, інтертекстуальність, проект, алюзія.

Аннотация

Ковалёва К.Л. Интертекстуальность как стилеобразующее средство в постмодернистском проекте «Б. Акунин»

В статье рассматривается место «миддл-литературы» в рамках постмодернистского направления. Ярким представителем данного направления является Б. Акунин. Анализируется основной стилеобразующий элемент его произведений – интертекстуальность, описываются ее разновидности и варианты реализации в проекте, большое внимание уделяется аллюзии как одному из вариантов репрезентации интертекстуальности.

Ключевые слова: миддл-литература, постмодернистское направление, интертекстуальность, проект, аллюзия.

Summary

Kovalyova K.L. Intertextuality as a style forming means in the postmodernism project «B. Akunin»

The article deals with the «middle-literature» place within the postmodern direction. B. Akunin is an outstanding representative of this direction. Intertextuality as the main style forming element of his works is analyzed, its aspects and variants of realization in the project are described, a great attention is paid to allusion as one of the representation variants of intertextuality.

Key words: middle-literature, postmodern direction, intertextuality, project, allusion.